

И. Я. Мурзина
Екатеринбург, Россия

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ТЕКСТ В ПРОЦЕССЕ КОНСТРУИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ¹

Аннотация. Статья посвящена процессу конструирования культурной идентичности. В качестве предмета анализа избрана казачья культура, находящаяся в настоящее время в состоянии становления. Статья представляет собой опыт культурно-рефлексивной рефлексии над работой автора по созданию книги для чтения для учащихся казачьих классов.

Ключевые слова: культурная идентичность, мифотворчество, казачья культура, литературный текст.

I. Ya. Murzina
Yekaterinburg, Russia

THE LITERARY TEXT IN THE PROCESS OF CONSTRUCTION OF CULTURAL IDENTITY

Abstract. The article is devoted to the process of constructing cultural identity. As the subject of analysis elected Cossack culture, which is currently in a state of becoming. Article represents the experience of cultural reflection over the work of the author on the book for reading to students Cossack classes.

Keywords: cultural identity, myth-making, the Cossack culture, literary text.

В ходе инкультурации происходит освоение норм и ценностей культуры, превращение внешних по отношению к индивиду и/или группе социально-культурных требований во внутренне мотивированные, определяющие индивидуальные и групповые формы поведения, стереотипы восприятия, миропонимание. Инкультурация и социализация как механизмы вхождения/освоения/присвоения культуры позволяют индивиду сформировать собственный мир на основе переживания социального опыта и интериоризации принятых общественных представлений. Эмоционально-чувственное и интеллектуальное восприятие окружающей реальности требует не просто выработки к ней собственного отношения, но формирования устойчивых и воспроизводимых реакций на вызовы внешней среды. Результатом инкультурации и социализации выступает процесс формирования культурной идентичности.

Собственно термин «идентичность» первоначально использовался в эго-психологии (Э. Эриксон) как характеристика самоидентичности, основанная на восприятии себя в неразрывном единстве с социально-культурным целым. Исследования идентичности в отечественной и зарубежной науке обнаружили многослойность самого понятия, увязывая его не только с психологическим состоянием субъекта, но и с проблемами личностного роста, с его социальными ролями. Среди необходимых социально-психологических характеристик идентичности называются самоосуществленность личности, ее жизненная реализованность и пр. Идентичность рассматривается и как понятие, характеризующие уникальную природу человека, и как антропологический контекст человеческой сущности, и как результат реализации внутренней сущности во внеш-

них условиях. В современных исследованиях можно найти рассуждения об этнической, региональной, религиозной, гражданской идентичностях, свидетельствующие не столько о многомерности понятия, сколько о его востребованности для описания социально-культурных реалий.

Множественность идентичностей, характеризующая личность эпохи модернити, вызывает ассоциации со шкафом, в котором на каждый случай есть новая одежда. Весь вопрос – каков этот «шкаф»: где он стоит, как выглядит, кем и когда он «заполняется». По сути, мы обнаруживаем, что сколь бы ни был разнообразен репертуар идентичностей, он интегрирован культурой, в которой происходил процесс взросления человека.

Вопрос о культурной идентичности воспринимается как актуальный в образовании – целенаправленном процессе формирования целостной личности, способного к творчески-активной преобразующей деятельности. Образ культуры, ее ценностно-нормативное ядро в процессе жизни человека осваиваются во многом стихийно, в то время, как в ходе обучения и воспитания это становится основой образовательных стратегий и практик. Можно сказать, что процесс формирования культурной идентичности в образовании – это целенаправленная деятельность по ее [идентичности] конструированию.

Разговор о социальном конструировании, благодаря работе П. Бергера и Т. Лукмана [Бергер, Лукман 1995] стал сегодня чрезвычайно популярным. В проекции педагогики он приобретает разговор о проектировании и конструировании педагогических систем, воспитательных и образовательных программ. Мы хотим обозначить еще одну плоскость социального конструирования – формирование культурной идентичности в процессе образования человека. Образовательные технологии нацелены не только на усвоение определенного объема информации об окружающем мире, но и на форми-

¹ Статья подготовлена в рамках проекта № 12-13-66007 «Региональное культурно-образовательное пространство: структурно-функциональная модель, социокультурный потенциал» при поддержке РГНФ и Правительства Свердловской области.

рование у человека устойчивых качеств, с помощью которых он позиционирует себя в этом мире, осознанно выбирая формы и способы взаимодействия с другими людьми в соответствии с освоенными культурными образцами.

Ключевое слово – «осознанно». Оставим за скобками размышления о том, ставится ли в отечественной педагогике таким образом сформулированная задача. Отметим лишь, что вольно или невольно педагоги, преподающие гуманитарные дисциплины, пытаются этим заниматься, вводя в учебные курсы историко-культурное, краеведческое, этнокультурное содержание с целью «приобщения к ценностям родной культуры».

В настоящее время появился новый тип образовательных учреждений, для которых вопросы конструирования культурной идентичности выходят на первый план. Мы ведем речь о так называемых кадетских казачьих классах – составном компоненте восстанавливающейся на наших глазах культуры казачества. Согласно оценкам экспертов, в России около семи миллионов человек причисляют себя к казакам. Общая численность войсковых казачьих обществ – более 700 тысяч человек. В разных частях страны созданы и действуют 24 казачьих кадетских корпуса, более тысячи казачьих классов, в которых учатся более 40 тысяч воспитанников.

Ситуация сложная: произошедшее в течение XX века в советском государстве «расказачивание» (термин, который историки уже давно употребляют без кавычек как обозначение политики массового террора и репрессий против казачества как сословно-социальной общности) привело к почти полной утрате казачьей культуры. Обратный процесс, начатый в последние десятилетия, поддержка казаческих сообществ на государственном уровне вызвали неоднозначную реакцию в обществе: позиционирование себя как казака одними и неприятие этого процесса другими. Можно констатировать, что поляризация мнений о роли казачества в прошлом и настоящем, попытки «новых казаков» найти основания для собственного существования и остальных в этих основаниях усомниться привели в массовом сознании к появлению новой мифологии о казачестве.

Мифологизация, как правило, опирается на реальность, абсолютизируя отдельные исторические факты и предлагая их интерпретацию в заданном направлении. И в этом контексте разговор о содержании образования в казачьих классах приобретает особый смысл: каким образом представлять историю казачества в России, какие события акцентировать, биографии каких людей изучать в качестве образцов для подражания, иначе говоря, на основе чего формировать культурную идентичность. Можно сказать, что перед педагогами стоит задача конструирования позитивной идентичности подростков, обучающихся в казачьих классах.

Идентичность строится на формировании целостного образа-представления в сознании человека. По сути – мифа с его пониманием-переживанием реальности в их неразсторжимом единстве. Оставим в стороне эмоционально окрашенные суждения об

отношении к мифу и примем за данность тот факт, что мифотворчество является особой формой бытия человека в культуре. В таком случае конструирование социальной реальности в целом и идентичности как ее частного случая и приобретает характер мифотворчества. Весь вопрос – какие мифы мы творим, на каких основаниях они зиждутся, и насколько этот процесс может быть зафиксирован.

В этом смысле вопрос о культуре казачества чрезвычайно интересен. В массовом сознании само понятие «казачество» зачастую не дифференцировано. Конечно, никто не отрицает исторический факт существования до революции в России 11 казачьих войск – Амурское, Астраханское, Донское, Забайкальское, Кубанское, Оренбургское, Семиреченское, Сибирское, Терское, Уральское и Уссурийское. И сегодня казачьи общества различаются по принадлежности к тому или иному войску. Но как только начинается разговор о культуре казачества, все сводится к донцам – Донскому казачьему войску. Во многом это связано с художественной традицией – песенной, литературной, кинематографической, в которой особый мир казачества как органичный и обладающий ушедшими, но значимыми для культуры смыслами, противопоставлен идеологизированному советскому и меркантильному постсоветскому существованию. Более того в исторических и культурологических исследованиях именно за культурой Дона закрепляется понимание региональной культуры Юга России.

Однако в настоящее время во многом благодаря работам историков активизировался интерес к Оренбургскому, Сибирскому, Забайкальскому казачеству. И встает вопрос о рассмотрении культуры казаков, связанных с иными, чем донцы, локусами. Мы считаем, что, несмотря на широкий круг исторических исследований, вопросы культуры остаются на периферии научного интереса. Их рассматривают скорее как духовный опыт прошлого, нежели как основу существования человека и результат его творчески активной деятельности. Более того, можно сказать, что сегодня мы являемся свидетелями попытки восстановить «времен связующую нить» между ушедшей культурой дореволюционного казачества и нашими современниками. Насильственно прерванный исторический путь невозможно восстановить в том виде, как он существовал, но можно попытаться использовать опыт культуры прошлого, чтобы обрести настоящее и очертить контуры будущего. Мы являемся свидетелями по-своему уникального процесса – созидания культуры. В силу того, что он носит незавершенный характер, можно увидеть, в каком направлении идет конструирование и конституирование казачьей культуры. И образование играет здесь одну из ведущих ролей.

Можно с некоторой степенью допущения сказать, что сегодняшняя образовательная ситуация провоцирует мифотворчество. В педагогике не используется такой термин как «мифодизайн» (термин введены в научный оборот А. В. Ульяновским) – специфическая культурная практика, актуализирующая социальные мифы. В то время как в маркетинге и рекламе – это способ взаимодействия производителя

и потребителя товаров и услуг. Понимая всю опасность такой экстраполяции, отметим, что принципы конструирования идентичности в ситуации, когда процесс становления культуры находится в незавершенном состоянии, типологически подобны мифодизайну в условиях рыночных отношений. В связи с этим возникает вопрос, какие именно компоненты включаются в миф и способствуют ли они решению задачи конструирования культурной идентичности. В рамках одной статьи невозможно раскрыть все возможные варианты решения поставленной задачи. Мы ограничимся только литературным текстом, который в нашем случае наиболее полно отвечает заявленной потребности. Под литературным мы будем понимать любой письменный текст, при этом за границами нашего разговора мы оставляем такой важный маркер культурной идентификации, как язык. Причиной является, с одной стороны, доминирование норм литературного языка, с другой, то, что диалектные слова, используемые в речи современными казаками, находятся в плоскости языковой игры.

Как отмечает культуролог Д. Соболев, литературный текст сохраняет и воспроизводит образ культуры – весь «спектр культурных процессов и структур», который «простирается от интенциональных форм и таксономических категорий, от базисных поведенческих сценариев и процессов архетипизации символов до общих отношений смысла и власти» [Соболев 2012]. Процесс реконструкции культуры может, таким образом, быть рассмотрен сквозь призму литературных текстов.

В качестве примера обратимся к казачьей культуре Оренбургского войска и представим тот небольшой опыт создания книги для чтения для учащихся казачьих классов, который есть у автора этой статьи.

Для процесса формирования культурной идентичности важно эмоционально окрашенное переживание. Еще Аристотель отмечал, что «поэзия философичнее и серьезнее истории» [Аристотель 1985: 655], а значит, необходимо сформировать такой корпус текстов, который создаст необходимый настрой. Оказалось, что эта задача достаточно сложно решается. Во многом это связано с качеством поэтических текстов, многие из которых остаются на уровне самодельных и любительских. Нам показалось логичным использовать с этой целью тексты классических стихотворений (М. Ю. Лермонтова, К. Р. [Константина Романова]), некоторых казаков-эмигрантов (М. Волковой, А. Ачаира), записи казачьих песен, сделанные в конце XIX в. А. И. Мякутиным (оренбургские казачьи песни) и Н. Г. Мякушиным (песни уральских казаков), стихотворения уральского поэта Бориса Ручьева, сына этнографа и фольклориста А. И. Кривошекова. Эту же задачу помогают решать прямые обращения к потомкам (фрагмент из исторического очерка Н. К. Бухарина «Хивинка», текст «Боевые заветы казаков», созданный А. И. Мякутиным в годы Первой мировой войны).

Так, в стихотворении Марии Волковой «Казак» (1933) афористически обозначены черты, характери-

зующие казака как защитника родной земли, которым может гордиться Отчизна, смелого, мужественного воина, и в трудную минуту не забывающего своего долга:

Кто там, на вышке сторожевой
Стоит, глаза вперив во мрак?
Это – защитник земли родной,
Это – казак!
.....
В душе – отвага. В очах – огонь.
Подруга – шашка. При ней – темляк.
Седло с набором. Горячий конь.
Удал казак!

В веселье дома он знает толк:
Кто лучше спляшет лихой гопак?
Спокойна совесть: исполнен долг.
Пляши, казак!

Придет ли в гости тоска-змея,
Подаст ли тихо тревожный знак, –
Спой песню дедов: в ней и твоя
Душа, казак!

И если б даже пришлось тебе
Надолго кинуть родной очаг. –
Будь бодр, и верен, и тверд в борьбе –
Терпи, казак!

Пусть сердцу больно – не говори!
Ведь ты в походе! – Разбей бивак
И в горе Бога благодари,
Что ты – казак!

В стихотворениях же Б. Ручьева раскрывается глубоко спрятанная тоска и боль о жизни, которой уже нет:

Не до смеха, не до заповедей,
бродит горечью сухойей.
Сено справа и сено слева,
под рубашкой, на голове.
Запеклись сухолистьем губы,
пот соленый чернит загар,
только копыта идут на убыль,
только песни растут стога.
Только мускулы жмет работа,
копыта режем под корешок,
только после любого взмета
выдох падает – хо-ро-шо!..

Эта ностальгия отмечается только в воспоминаниях детства:

О Карпатах поются песни,
о казачьих гнедых конях,
по озерам, по густолесью
за тобою ведут меня.
И десятую часть столетья
я зная в жару и в мороз,
как охотился лютой ветер
за папашой твоих волос;
как ты пахнешь смолою бора,
кровью волка и косача,
всеми водами и простором
оренбургского казачья...

Особую трудность представляет воспроизведение фольклорных текстов. Надо сказать, что у нас нет переизданных сборников казачьих песен. Более того, репертуар современных казачьих хоров и ансамблей лишь в небольшой степени содержит «региональную привязку», что, безусловно, мотивировано существующим сегодня образом казака как некой «культурной универсалии». Нам же хотелось некоторой исторической достоверности. Для этого мы попытались воссоздать мир казаков Оренбурга через песни, которые в большинстве своем не исполняются, но могут свидетельствовать о прошлом. Мы использовали не только оренбургские казачьи песни, но и близки им песни казаков Уральского войска.

В казачьих песнях хранились предания о богатырях-защитниках Отчизны, об исторических событиях, в которых участвовали казачьи полки, о проходах на службу и о возвращении с нее, рассказывалось об отношении к службе, царю, начальству. Повседневные заботы запечатлелись в семейно-бытовых песнях. Любовные и колыбельные, застольные и вечерочные – песни сопровождали человека всю жизнь.

Начинаем мы разговор с образов былинных богатырей Ильи Муромца и Добрыни Никитича. Илью Муромца называют в былинах «старым казаком». Его образ был дорог оренбуржцам: он был подлинным защитником родной земли, а, собираясь в поход, он ведет себя так же, как и любой из казаков – сядет коня, проверит подпругу.

Ты, старинушка, старой казак.
Старой казак, Илья Муромец,
Илья Муромец, сын Иванович.
У старинушки бородушка седым-то седа,
У старинушки бородушка вся белым-то бела;
На старинушке шубёночка все худым-то худа,
Одна пола во пятьсот рублей,
Другая-то пола во тысячу,
А всей шубеночке и цены-то нет.
Пошел Илья на конюшеньку,
Седлал-то Илья добра коня,
Он накидывал седелечко черкесское,
Он затягивал, Илья, двенадцать подпруг
шелковых,
Не для красоты Илья затягивал – для крепости.
[Мякутин 1905: 9]

Богатырская сила и удаль привлекали в былинных героях. Вот только силу должно использовать с умом, не обижать людей, а защищать их. В былинах о Добрыне Никитиче осуждаются «шуточки» богатыря как неприемлемые:

Стал Добрыня на улицу ходить, хороводы заводить.
В хороводушках Добрынюшка стал он шуточки
шутить;
Его шуточки были не сносливы и не примчивы:
Кого за ногу возьмет – ногу выдернет,
Кого за руку возьмет – руку прочь он оторвет,
Кого в шеенку толкнет – голова с плеч долой.
И стали на Добрынюшку много жаловаться
Ко тому ли ко князю ко Владимиру,
Да выслал его князь из города долой.
[Мякутин 1905: 12]

И совсем иначе говорится о Добрыне, когда он отправляется на ратный подвиг: с пониманием, как важно для воина благословение матери, с сочувствием к оставляемой молодой жене, с уважением к его воинскому долгу.

Как не стук стучит во тереме, не гром гремит,
Что не сырой дуб ко могучей земле клонится,
Не лавровые листочки расстилаются –
Как раскланялся Добрыня своей матеря,
Пречестной вдове Ефимии Александровне:
«Уж ты гой еси, моя родная матушка,
Пречестная вдова Ефимия Александровна!
Я не злата у тебя прошу, не серебра,
Я прошу у тебя велико благословеньице
От ретивого твоего сердечушка».

[Мякутин 1905: 14-15]

Богатырь-защитник, готовый сражаться с врагом-супостатом за родную землю, был образцом для подражания: он не стерпит ни насмешки, ни угрозы, ни набега – накажет врага. В популярной среди казаков былинае «Молодой донской казак и турчанин» рассказывается о том, как турок ищет, кого бы ему вызвать на поединок среди донских казаков. Достойный противник вскоре находится:

Выезжал из Донска войска молодой казак,
Молодой казак лет семнадцати.
Выезжает он на высок курган,
На высоком на кургане Богу молится,
Богу молится, низко кланяется, –
Он с Донским войском прощается:
«Ты прости-ка, прощай, войско донское;
Благослови меня, отец с матерью».

[Мякутин 1905: 17]

В исторических песнях, бытовавших в Оренбургском казачьем войске, важное место занимали воспоминания о реальных событиях русской истории: о Степане Разине («Во Кремле, Кремле, славно было городе»), о походах атаманов Нечая и Шамае на Хиву («Грянем грудью на неверных»), о частых взаимных набегах киргиз-кайсаков и казаков в приграничных районах зауральских степей («Как за реченькой за Утвой», «Пыль клубится по дорожке», «Погоня хорунжего Алемасова за киргизами, взявшими в плен казака Губерлинского поселка Зеленина в 1818 году»), о войнах с турками, с Пруссией, с Наполеоном. Важное место занимали истории о заселении казаками земель: «Волнение на Дону и переселение в 1796 году донцов на Оренбургскую и Кавказскую линии (Указ Императрицы Екатерины II 12 июля 1759 г.)», «Заселение красноуфимскими казаками Новоилецкой линии в 20-х годах XIX столетия».

Прощай, Томский и Тобольский
Красноуфимский городок!
Все сударушки прощайте,
Нам теперь не до вас!
Нам приходит горький час:
Во солдаты везут нас,
Во солдаты, во рекруты,
Во чисто поле гулять.

[Мякутин 1905: 104]

В песнях хранились имена реальных участников былых событий – «Песня про генерала Василия Авраамовича Лопухина», «Песня про старшину Донского войска Федора Ивановича Краснощекова». Бытовали песни, посвященные Кутузову, атаману Матвею Платову, Михаилу Скобелеву.

Постепенно на смену историческим песням приходили военно-походные. Они тоже связаны с историческими событиями, но в большей степени повествовали о перипетиях опасной и трудной военной жизни.

Вспомним, братцы, оренбурцы,
Как стояли под Тикой:
Вы разбили басурмана
Ружьем, шашкой и копьем.
[Мякушин 1890: 254]

Темами военно-походных песен были расставание с родным домом, тоска казака по родной стороне, по близким, раздумья раненого казака перед смертью, обращение к коню, чтобы он передал родным отцу-матери привет. В песнях точно передается психологическое состояние героев: жена провожает мужа на службу, печально смотрит ему вслед – и вдруг понимает, что уже не вернется ее суженый назад; мать просыпается среди ночи от дурного предчувствия и молится о сыне, еще не зная, что он погиб. Есть песни, в которых описывается походный быт, рассказывается о случайностях, подстерегающих казака на каждом шагу нелегкой службы.

Трагические мотивы не исчерпывают всего разнообразия содержания казачьих песен. В песнях запечатлены мужество и доблесть, готовность защищать Отчизну, гордость за принадлежность к казачьему сословию. Собираясь в дальний поход, казак обращается к жене с такими словами:

Ты прощай, не жди меня:
Выезжаю на коне,
Сабля острая при мне;
Я за мать, за Русь свою
Переведаюсь в бою!
Подрастает у нас дочь,
Выдавай за казака,
Пусть для батюшки Царя
Родит в свет богатыря!
А подымется наш сын,
Справится и сам один;
Будет он казак лихой,
И, как я пойдет на бой!
[Мякутин 1905: 114]

В бою казак надеется на свое умение воина, на поддержку товарищей да на доброго коня.

Вообще, образ коня – один из ведущих в казачьих песнях. В народной памяти хранилась и передавалась из поколения в поколение старинная песня-былина о споре коня с соколом. По сюжету в чистом поле

... На сыром дубу, на верхушке сидел млад ясен сокол.
Под сырым дубом было стойлице кониное,
А во стойлице – сивый резвый конь.
[Мякутин 1905: 5]

Поспорили сокол и конь, кто из них быстрее.
Каждый из спорщиков по-своему прекрасен:

Конь бежит – вся земля дрожит.
Сокол летит, как колокол звенит.

Но победа в споре достается коню: сокол прилетел к «урочному месту» значительно позже.

Поэтический образ коня обусловлен тем значением, которое он имел и в хозяйственной, и в военной жизни. Только на коня мог уповать казак в далеком походе, с ним он разделял тяготы службы («товарищ у молодца – его добрый конь»). К коню обращается мать, провожающая сына в поход («Не покинь ты млада-вбюноша, Сына мово милова» [Мякушин 1890: 184]), умирающий казак с последним словом:

Уж ты конь, ты, мой конь, конь, товарищ мой!
Побегай-ка ты, конь, во Россиюшку,
Не давайся ты, конь, неприятелю,
Только дайся ты, конь брату родному;
Да скажи-ка, скажи отцу с матерью,
Поклонись, поклонись до сырой земли;
Молодой же жене – челобитье
И скажи-ка ей, что усватал я
Всё невестушку – свинцову пулю,
Обвенчала меня сабля вострая!
[Мякушин 1890: 111]

Чувства человека, его переживания и надежды, радость и печаль составляют содержание лирических песен. Они были любовными и плясовыми, шуточными или сатирическими. Песни попадали на Урал разными путями: одни из них хранились и передавались из поколения в поколение переселенцами из различных областей, другие привозили казаки, возвращаясь домой из далеких походов, – все они получали местную окраску и выражение. Лирический герой песен – казак или казачка. Песни рассказывают об их взаимоотношениях, о любви, о смятении, о быте, подчеркивая, какое значение они имеют для человека.

Песенный строй и ритм связывались с условиями исполнения: строевые пехотные пелись «под шаг», кавалерийские – под ход коня, лирические – в хороводе. Общим было то, что казачьи песни экспрессивны и эмоциональны, выражали чувства и чаяния людей, воссоздавали их мир.

Конечно, песенный материал, представленный в виде текстов, выглядит довольно спорным. Песня должна звучать. Но, решая задачу конструирования культурной идентичности, мы в большей степени обращали внимание на ценности, которые транслирует литературный источник: мужество, верность, готовность исполнить воинский долг, ответственность, вера в Бога (отметим, что в песенной традиции преимущественно речь ведется о Православии, но и такой важный факт, как большое количество мусульман в Оренбургском войске не был обойден вниманием: мы приводим фрагмент башкирской песни о Караван-сараяе).

Идея «песня сопровождала человека на протяжении всей жизни» легла в основу описания различных сторон повседневной жизни казаков, высту-

пая определенным камертоном повествования. Нами сделана попытка последовательно представить исторические факты становления войска и систему верований, обучение казачат и воинские ритуалы, бытовые подробности и обрядовые практики. В связи с этим практически в каждом фрагменте книги для чтения присутствует фольклорный текст как репрезентация традиционной культуры казаков и поэтический – как эмоциональный отклик на события прошлого.

Одним поэтическим текстом мы не могли ограничиться. Во многом это обусловлено задачей описать образ жизни оренбургских казаков «в старину». Для этого мы обратились к этнографическим исследованиям, проведенным в конце XIX – начале XX в. Ф. М. Стариковым, Д. К. Зелениным, А. И. Кривошековым, В. М. Черемшанским. Исторический материал насыщен не только фактами, но, что для нас было особенно значимо, попыткой воспроизвести уклад жизни, воссоздать особый тип сознания оренбургских казаков через описание воинского и крестьянского труда. В конструировании идентичности именно ценность трудолюбия выступала в качестве ведущей.

Для создания целостного образа культуры особую значимость приобретают мемуары, которые рассматривались нами не только как исторические источники, но и как опыт эмоционально окрашенного переживания прошедших событий. Ограниченность объема книги для чтения не позволяет представить воспоминания в большом количестве. Мы ограничились несколькими сюжетами: о пребывании цесаревича Александра Николаевича в Оренбурге (смотр войск), о том, как проходила зимняя путина – «багрень» – у уральских казаков (воспоминания военного инженера генерал-лейтенанта И. Ф. Бларамберга). В воспоминаниях нам было важно подчеркнуть восторженное отношение к событиям, свидетелями которых были мемуаристы.

Данные об авторе:

Мурзина Ирина Яковлевна – доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой культурологии института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).

Адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.

E-mail: ekb-ural@yandex.ru

About the author:

Murzina Irina Yakovlevna is a Doctor of Culturology, Professor, Head of the Department of Culturology Institute of Philology, Cultural Studies and Intercultural Communication, Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg).

Без сомнения, у литературного текста гораздо больше возможностей для формирования культурной идентичности, чем мы обозначили в данной статье. Степень его воздействия многократно увеличивается в сочетании с визуальным материалом (рисунками, историческими и современными фотографиями, копиями документов). В то же время подчеркнем, что описанный нами опыт создания книги для чтения отчасти был для авторов и опытом мифотворчества. Отбирая определенные тексты, мы одновременно пытались воссоздать реальный опыт культуры и представить идеальный образ ее носителя. Насколько это будет способствовать конструированию культурной идентичности, покажет время.

ЛИТЕРАТУРА

Аристотель. Поэтика // Сочинения: в 4 т. – М.: Мысль, 1983. Т. 4.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995.

Волкова М.В. Казак. URL: <http://www.siberia-cossack.org/?pid=537>

Зеленин Д.К. У оренбургских казаков // Этнографическое обозрение. 1905. № 4. С. 54–78.

Кривошеков А.И. Обряды и обычаи оренбургских казаков // Вестник Оренбургского учебного округа. Уфа. 1915. № 1–7.

Кривошеков А.И. Поверья и предрассудки у оренбургских казаков // Вестник Оренбургского учебного округа. Уфа. 1913. № 1. С. 16–27; № 2. С. 40–52.

Песни оренбургских казаков: собрал А.И. Мякутин; Издание Оренбургского казачьего войска. Т. 2. Песни былевья. – Оренбург: Типо-литография Б. Бреслина, 1905.

Сборник уральских казачьих песен: собрал и издал Н.Г. Мякушин. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1890.

Соболев Д. Литературный текст и проблема исторической памяти // Международный журнал исследований культуры. URL: <http://www.culturalresearch.ru/art/78-sob-lit-mem#footnote-987-11-backlink>.